

Беседа М.С. Горбачева и Р. Ганди
(Первая беседа)

25 ноября 1986 г.

Горбачев. Я очень рад видеть Вас. Говорю это не для того, чтобы сказать приятное. Здесь гораздо большее. Я очень ценю тот факт, что с самого начала между нами сложились отношения, которые позволяют нам с Вами обсуждать всё. Между нами запретных тем [нет].

Сейчас повсюду очень внимательно смотрят за тем, как складываются отношения между Советским Союзом и Индией, между руководителями наших стран. Смотрят в наших странах, но не менее внимательно смотрят во всем мире. Действительно, от этого многое зависит и для наших двух стран, и для всего мира. Ибо речь идет о двух государствах, имеющих большое значение в мире в экономическом, политическом, военном плане, с точки зрения их авторитета.

Хочу передать Вам привет от всего советского руководства. Мы очень ценим характер наших отношений. Уже наши предшественники констатировали очень большую степень совпадения интересов наших двух стран. Мы со своей стороны можем, я думаю, добавить сюда еще один, личный аспект. Я лично ощущаю потребность в продолжение нашего контакта, наших личных взаимоотношений.

Мы пришли к руководству нашими странами в сложный момент для всего мира и в исторический – для наших стран. Вы совершенно справедливо сказали, что сейчас наши страны решают задачи, связанные с необходимостью модернизировать свою экономику, как мы говорим – добиться качественно новой ситуации. Думаю, что все эти важные факторы побуждают нас еще активнее добиваться углубления отношений между нашими странами, подталкивают навстречу друг другу. Поистине парадоксален тот факт, что, несмотря на все различия между нашими странами, в смысле их общественного строя, исторического опыта и т.д., трудно найти две другие страны, чьи отношения были бы столь же

стабильными, доверительными и глубокими. В нынешнее смутное время – это важный пример для всего мира.

Ведь если посмотреть на положение в мире, можно увидеть, что многие его проблемы являются результатом непонимания того, что каждая страна имеет право на собственный выбор своего пути. Много бед происходит из-за этого непонимания. Мы уважаем выбор, сделанный Индией. И ценим тот факт, что с самого начала нашей революции индийский народ проявлял уважение и солидарность с советским народом.

Я сравнительно недавно нахожусь в составе советского руководства. И все это время меня не покидает забота о том, чтобы мы не потеряли то, что имеем в наших отношениях, более того – приумножили это. Конечно, у нас много других забот, других проблем. Мы понимаем, что и Индия имеет свои заботы, свои взаимосвязи и интересы в мире. Но, завершая свои вступительные слова, я хочу все-таки подчеркнуть, что советское руководство и я лично полны решимости поднять и углубить наши отношения, вывести их на новый этап.

Любой другой подход с нашей стороны – и, позволю себе сказать, со стороны Индии – был бы неправильным, вредил бы национальным интересам наших стран. В наших отношениях мы никогда не были формалистами. Мы их рассматриваем как политические отношения, и надо продолжать в этом духе. Нам важны не какие-то клятвы в верности или подписание каких-то документов, хотя документы тоже нужны, а углубление взаимопонимания между советским и индийским руководством по всем вопросам.

Мы, конечно, видим, что достигнутый нами высокий уровень сотрудничества не всех устраивает. Кое-кто пытается подбросить разного рода суждения, сведения, вопросы, которые могли бы породить недоверие, недопонимание между нашими странами, какие-то сомнения, пытаются ослабить наше сотрудничество. В основе этих действий далеконидущие замыслы. Но мы глубоко убеждены, что с миролюбивой Индией, страной

огромных возможностей, ее великим народом нам по пути сегодня, будет по пути и завтра. Вот это главное, основное. Остальное, я бы сказал, - частности.

Ганди. Большое спасибо. Я целиком и полностью согласен с тем, что Вы сказали. Скажу больше. Советско-индийская дружба видится мне как нечто большее, чем фактор стабильности в сегодняшнем мире. Это замечательный пример воплощения дружественных чувств двух народов, основанных на общих ценностях этих народов. Действительно, главное, что характерно для наших двух стран, – это стремление улучшить жизнь рядового человека, добиваться этого внутри страны и содействовать этому во всем мире. И коль скоро перед нами эта общая цель, я не думаю, что в нашем взаимодействии могут возникать какие-то существенные трудности.

Конечно, ставя на первое место заботу о рядовом человеке, мы нередко наталкиваемся на укоренившиеся интересы, на силы старого. Как внутри наших стран, так и, наверное, еще в большей мере на международной арене.

Горбачев. Согласен.

Ганди. Конечно, Ваша страна особенно сильно ощущала сопротивление сил прошлого сразу после революции. С тех пор многое изменилось. Теперь эти силы не так часто прибегают к методам насилия, к военным средствам, хотя и это бывает – как это случилось, например, с Гренадой, и проявляется сейчас вокруг Никарагуа. Но главный фронт действий этих сил – экономический. И проявляется это многообразно, причем иногда сопровождается, как бы для усиления нажима, действиями в военной сфере. Так, в нашем регионе осуществляется вооружение Пакистана, что заставляет и нас принимать соответствующие меры. Сами по себе военные поставки Пакистану не выводят нас из себя, но наши ответные действия требуют немалых средств.

И в более общем плане можно сказать, что именно таким является конечный результат гонки вооружений для наших стран. Вот почему с ней надо покончить. И здесь я не могу еще раз не выразить признательность за Ваши многочисленные инициативы в области разоружения, которые

полностью просто невозможно здесь перечислить. Мы благодарны за, я хотел сказать, поддержку «Делийской шестерки», но ведь Вы не просто поддержали нас, а пошли гораздо дальше!

Горбачев. Я хотел об этом сказать несколько позже.

Ганди. Итак, дружба между Советским Союзом и Индией исключительно важна именно тем, что основывается на общих для нас фундаментальных ценностях, и потому ей не мешают различия наших систем. Подобный тип отношений, я убежден в этом, должен в конце концов возобладать во всем мире.

Интересно, что сейчас даже некоторые страны, принадлежащие к таким военным союзам, как, например, НАТО, ощущают несбалансированность своих отношений с США. Но, конечно, если мы хотим успешно противостоять силам старого в мире, то сделать еще надо очень много. Мне кажется, что и Вы, и я пытаемся добиться в своих странах некоторых аналогичных вещей. Мне, конечно, легче говорить о том, к чему мы стремимся в Индии. Мы хотим отказаться от некоторых отживших методов ведения дел, от традиционной, так называемой реальной политики. Конечно, иногда такая политика, политический расчет тоже бывают нужны. Но их недостаточно. Мы хотим вернуться к системе высоких человеческих ценностей. И, наверное, история вывела нас с Вами на историческую арену именно в тот момент, когда процесс утверждения этих ценностей можно ускорить и облегчить.

Надо сказать, что народы – в отличие от правительств – многих западных стран довольно хорошо воспринимают эти мои идеи. А если люди откликаются на них, то в конце концов и правительствам будет нелегко игнорировать стремления народных масс.

Конечно, мы еще не во всем добиваемся успеха, но есть положительные примеры. Вы знаете, например, что мы уже много лет пытались привлечь внимание общественности Запада к проблеме апартеида в ЮАР, однако общественность, в частности в США, отвечала летаргическим безразличием, особенно в штатах Среднего Запада, где люди мало интересуются миром.

Однако сейчас нам удалось сделать этот вопрос одним из центральных в американской политической жизни.

Или другой пример. Мы не раз с сарказмом говорили, что в США, выступая на словах за свободу, поддерживают страны, где свободы нет и в помине. Однако сейчас во многих таких странах прошли выборы. И хотя это, как правило, псевдо-выборы, не отражающие по-настоящему волю народов, сам факт их проведения свидетельствует о том, что приходится откликаться на требования времени.

Горбачев. Да, это тоже интересно.

Ганди. Мне кажется, что во многих странах Западной Европы, в Австралии, Новой Зеландии и даже в Японии происходит сейчас переоценка ценностей, результаты которой проявятся, может быть, не в ближайшие годы, но со временем дадут себя знать. Ибо эти страны переоценивают свою международную роль. И думаю, что здесь дружба между СССР и Индией может сыграть свою роль, помочь им в этой переоценке.

Горбачев. То, что Вы сказали, очень важно и интересно. Мои рассуждения идут в том же направлении. **Вы знаете, я много говорю о необходимости нового мышления,** может быть даже слишком много. Но я считаю, что это так важно, что об этом нужно не просто говорить, а буквально кричать. И наши отношения, то, как мы строим советско-индийские отношения, реализуем их цели, – это как раз иллюстрация того нового подхода к международным отношениям, который необходим.

Мы живем в трудном, противоречивом мире. Но это и мир, где все взаимозависимы, несмотря на различия систем, религий, идеологий. И, видимо, сейчас мы проходим болезненный этап перестройки международных отношений на основе признания того, что каждый народ, каждая страна вправе сами избирать свой строй, распоряжаться своими ресурсами, определять свои перспективы, выбирать свои формы демократии. Если это не будет признано, то это будет означать развал международных отношений. Однако процесс признания того, что

международные отношения могут строиться лишь на этих принципах, идет трудно. К сожалению, во многих странах незаметно даже и ростков нового мышления. Это те страны, которые на протяжении десятилетий, да что там, столетий, считали себя хозяевами всего мира.

Вот недавний пример. На встрече министров иностранных дел государств – участников совещания в Хельсинки, которая состоялась недавно в Вене, выступал госсекретарь США Шульц. Видимо, в США так озабочены, так встревожены успехом Стокгольма, где благодаря усилиям нейтральных и неприсоединившихся стран, социалистических стран, да и ряда европейских стран удалось добиться важного результата, что Шульц позволил себе прямо-таки возмутительное высказывание о том, что США не признают равных прав государств, их права на равную безопасность.

Из этого примера, из того, как напугал их Стокгольм – эти первые ростки нового, ясно, что **борьба за переход к новому мышлению так просто не пойдет.**

А посмотрите, как США и ряд других капиталистических стран реагировали на Хараре. Там Движение неприсоединившихся стран взяло большую высоту. Как никогда раньше голос Движения неприсоединения прозвучал сильно, в хорошем смысле слова – с политизацией. Американцев это не устраивает.

Американцев не устраивает и ЮНЕСКО, США ушли оттуда. Теперь они уже говорят, что и ООН им такая не нужна.

Так что время мы переживаем серьезное. И все-таки, глядя на мировой процесс в целом, мы – оптимисты. Мы видим, что набирают силу социалистические страны, Движение неприсоединения, нейтральные страны Европы. В трудной борьбе набирает силу процесс формирования нового мышления, которое для наших стран, СССР и Индии, не лозунг, а воплощение объективной необходимости, отражение того факта, что **на мировую арену вышли десятки новых государств, каждое из которых хочет идти своим путем.**

И я думаю, что главным результатом наших бесед в Дели могло бы стать провозглашение нашего общего стремления поставить международные отношения на новую основу. Мы имеем моральное право обратиться с таким призывом, ибо именно на эти принципы мы опираемся в своих отношениях, подавая в то же время пример для других. Вот в этом я вижу прежде всего значение нашей встречи в Дели. Может быть, важное значение будут иметь и другие аспекты, но интуиция подсказывает мне, что это – самое главное.

Очень верно, что для Советского Союза и Индии внешняя политика основывается прежде всего на общечеловеческих заботах и устремлениях. Наши отношения, связи не служат лишь узкопрактическим целям и интересам. При этом я, естественно, не противопоставляю двусторонние отношения и международные заботы. Двусторонние отношения тоже очень важны, в том числе и потому, что чем крепче эти отношения, тем больше авторитет наших стран, больше их влияние на международную обстановку, на положение во всем мире.

В заключение этой части беседы хотел бы высказать одно предложение о том, как нам сделать наше сотрудничество в вопросах войны и мира еще более тесным. При этом я имею в виду не какую-то формальность – как раз формальности в этом могут даже повредить. Я хочу предложить, чтобы мы через специально назначенных доверенных лиц обменивались информацией не только об уже предпринятых нами шагах на международной арене, но и о наших планах и замыслах на будущее. Мне кажется, что такой обмен позволил бы лучше рассчитывать наши шаги, а может быть, предпринимать параллельные действия, а иногда корректировать свои действия, разумеется, при полном уважении суверенитета и самостоятельности решений каждой из сторон.

Еще раз хочу сказать, что мы имеем в виду не какую-то формальность, не какие-то бюрократические процедуры, а обмен информацией, взглядами, основанный на взаимном уважении.

Ганди. Это, по-моему, хорошая идея. Мне, кажется, что было бы лучше всего, если бы мы попытались конкретно назвать тех двух лиц, которым это будет поручено. Если человек, которого Вы имеете в виду, входит в состав Вашей делегации, то мы могли бы свести вместе наших доверенных лиц, с тем чтобы они отработали механику этого дела.

Горбачев. Хорошо. Несколько позже я сделаю конкретное предложение на этот счет. Еще раз хочу сказать, что такой доверительный контакт открывает большие возможности. Например, он уже в течение многих лет существует у нас с В. Брандтом¹.

Ганди. В советско-индийских отношениях такой контакт существовал на протяжении нескольких лет после подписания нашего Договора. Будет хорошо возродить его.

Горбачев. Да, сам характер наших отношений, необходимость их дальнейшего укрепления делают использование такого канала необходимым.

Какую следующую тему мы обсудим? Я мог бы предложить две. Во-первых, Рейкьявик и то, что произошло после Рейкьявика, и второе – ситуация, складывающаяся в вашем регионе.

Ганди. Думаю, мы могли бы обсудить и то и другое. Хотел бы также предложить для обсуждения вопрос об общей обстановке в Азии. И хотя, как Вы говорили в Москве, в этом вопросе не надо опережать события, мне кажется, что широкий взгляд на обстановку в Азии было бы полезно бросить.

Горбачев. Думаю, о главном мы с Вами уже сегодня сказали.

А теперь несколько слов о Рейкьявике.

Ганди. Мы, конечно, были разочарованы тем фактом, что из-за СОИ в Рейкьявике не удалось достичь договоренности. И тем не менее перспективы после Рейкьявика представлялись в целом хорошими. Однако сейчас США быстрыми темпами отходят от позиций Рейкьявика.

¹ Брандт, Вилли – в 1964-1987 гг. Председатель Социал-демократической партии Германии, в 1976-1992 годах Председатель Социалистического интернационала.

Горбачев. Вот именно. Кстати, мой переводчик (*Павел Русланович Палажченко*) – это, так сказать, живой свидетель Рейкьявика. Он там был. Сейчас в Америке многие выступают на тему о Рейкьявике, рассказывают о Рейкьявике, но говорят вещи очень далекие от действительности. Многие говорят так, как будто они там были. Но их там не было. Что же в действительности имело место?

Я увидел в Рейкьявике Президента Рейгана в довольно плохом состоянии. Он сильно сдал по сравнению с тем, что было в Женеве... Но в самом начале нашей беседы я сказал ему, что мы в советском руководстве высоко оцениваем его согласие на встречу. И я предложил: давайте вместе подумаем, проанализируем ситуацию, посмотрим, куда мы пришли после Женевы. Это предложение привело его в замешательство, он к нему не был готов. Затем я продолжал изложение нашей позиции, перешел к конкретным вопросам. И я сразу почувствовал, что с Рейганом просто нельзя вести серьезный, ответственный разговор, и предложил позвать наших министров – госсекретаря Шульца и Э.А. Шеварднадзе. Рейган очень обрадовался этому предложению...

Итак, наш замысел заключался в том, чтобы стимулировать работу на переговорах в Женеве, которые, скажу Вам откровенно, зашли в тупик. Все эти потолки, уровни, подуровни, вся эта статистика, повторяемые неделю за неделей, не продвигают переговоры, а, наоборот, создают все большую путаницу. Поэтому я предложил провести с Рейганом такую встречу, где можно было бы обсудить крупные шаги, с тем чтобы придать Женевским переговорам другое направление. Но мы видели, что состояние, в котором оказались Женевские переговоры, вполне устраивает американцев. Оно позволяло им создавать впечатление, что дело вроде бы идет, хотя, конечно, проблемы и есть, но их, дескать, можно решить. В общем, это подобие переговоров их устраивало. В этих условиях наш замысел был прост – **внести крупные предложения, от которых американцам было бы трудно отказаться. Им пришлось бы либо принять эти предложения, и тогда был**

бы сделан важный шаг к разоружению, либо разоблачить себя в глазах мировой общественности.

Ганди. Что и произошло.

Горбачев. Да, я так и сделал. Уже в первый день я убедился в том, что Рейган приехал в Рейкьявик с пустыми руками. Он хотел просто поговорить, помелькать на телевизионных экранах. Видимо, его намерением было сказать американцам: «Видите, я уже второй раз встречаюсь с советским руководителем, мы беседуем, ведем переговоры. Договоренностей пока нет, но это потому, что разоружение – дело трудное. А линия моя, – сказал бы Рейган, – правильная, русские идут навстречу, потому что мы ведем с ними дело с позиции силы».

Вот таков был замысел Рейгана, и к этому надо было добавить, что происходило это в преддверии выборов. И он явно не рассчитывал, что [мы] приедем в Рейкьявик с большим предложением.

Когда я начал излагать наши предложения, сначала по стратегическим вооружениям, я увидел, что в сознании моего собеседника возникла заминка. Продолжая излагать нашу позицию, я сказал: «У нас и у вас есть триада стратегических вооружений, у каждой из сторон – со своими исторически сложившимися особенностями. Сейчас количественный уровень всех ее компонентов очень высокий, поэтому, давайте, – сказал я, – урежем каждый из этих элементов ровно наполовину. Тогда соотношение останется тем же, но оно будет уже на гораздо более низком уровне».

И тут случилась эта заминка. Рейган начал было что-то возражать, но в это время Шульц, обратившись к нему, сказал (мне это перевели): «По-моему, это неплохое, интересное предложение». Тогда и Рейган сказал, что предложение интересное, и в конце концов мы об этом договорились.

По средним ракетам у нас была долгая, тягучая дискуссия. Я видел, что американцы хотят одного: сохранить какое-то количество своих ракет в Европе. И тогда я предложил Президенту фактически его же нулевой вариант. Я сказал, что мы готовы пока, на данном этапе, оставить в стороне [вопрос] об

английских и французских ядерных арсеналах. То есть мы пошли на крупную уступку. Он, конечно, тут же начал говорить о наших ракетах на Востоке, в Азии, что, дескать, мы можем перебросить наши ракеты в Европу, и тогда я сказал: «Хорошо, мы можем фактически почти ликвидировать наши ракеты в Азии, оставим лишь 100 боеголовок таких ракет».

Когда мы договорились об этом, то получалось, что мы можем передать нашим делегациям договоренности по стратегическим вооружениям и РСД. Тогда я поставил третий вопрос. «Поскольку, – сказал я, – мы договорились о крупных сокращениях стратегических вооружений и РСД, поскольку мы начинаем очень глубокий процесс, ведущий к разоружению, необходимо укрепить режим ПРО так, чтобы ни у одной из сторон не было возможности обойти договоренность по разоружению, нарушить безопасность другой стороны. Это необходимо и для СССР, и для США». Поэтому мы предложили, чтобы стороны обязались в течение десяти лет не выходить из Договора по ПРО, а исследования и испытания по ПРО и СОИ ограничивались бы лабораториями. Кстати и здесь мы пошли на уступки. Ведь мы выступаем и против лабораторных испытаний СОИ, так [же], как против самой этой концепции. Но я сказал: «Мы, господин Президент, понимаем, что СОИ – это Ваше любимое дитя, что Вы уже далеко прошли по этому пути и что Вам надо спасти лицо». Вот для того чтобы помочь Президенту спасти лицо, мы и предложили допустить продолжение лабораторных исследований и испытаний.

Дальше встал вопрос о ядерных взрывах. Позиция Президента заключалась в том, что он – за ограничение ядерных испытаний по мощности и количеству, и только в процессе сокращения ядерных вооружений стороны продвигались бы к запрету ядерных испытаний где-то в будущем. Мы предложили начать полномасштабные переговоры о выработке соглашения о полном запрещении ядерных испытаний. На первом этапе переговоров можно было бы договориться об ограничении количества и мощности взрывов,

продолжая в то же время разрабатывать соглашение о полном запрещении испытаний.

Вот здесь-то, по этим двум вопросам – СОИ и ядерные испытания – дело и пошло срываться. Много часов потратили на обсуждение этих вопросов мы с Президентом, много часов дискутировали наши эксперты, но решения этих вопросов найти не удалось.

Ганди. И ведь это взаимосвязанные вопросы, так как ядерные испытания нужны американцам и для СОИ.

Горбачев. Совершенно верно, для лазера с ядерной накачкой.

В конце концов переговоры вылились буквально в мелодраму. Рейган прямо-таки умолял меня, казалось, готов был встать на колени. Он сказал: «Я Вас очень прошу сделайте мне уступку по СОИ. Я не могу, – сказал он, – пойти на запрет этой программы». Он даже стал говорить, что, если СССР уступит по СОИ, то изменится даже сам характер наших отношений. Выглядело это как самое настоящее торгашество. Но я сказал Президенту: «Если бы Вы предложили мне, скажем, купить у вас несколько миллионов тонн зерна, чтобы помочь вашим фермерам, то об этом можно было бы подумать. Но в этом вопросе – нет. Это вопрос безопасности».

Когда переговоры закончились, Президент был явно удручен. Вы, может быть, помните выражение его лица в последний момент, когда я провожал его у автомобиля.

Ганди. Нет, к сожалению, я мог следить за Рейкьявиком очень отрывочно, так как находился тогда в поездке по Австралии, Новой Зеландии и ряду стран Азии.

Горбачев. В общем, на пути договоренности стоит СОИ. Через СОИ Америка надеется вырваться к превосходству, так как паритет американцев явно не устраивает. Кроме того, они хотят дать СССР и дополнительную экономическую нагрузку, таким образом попытаться сорвать наши экономические социальные планы. Вот в этом загвоздка.

Ганди. Думаю, что главный замысел действительно состоит в том, чтобы нажать на советскую экономику этой дополнительной нагрузкой. В то же время мы видим, как меняется характер СОИ. Теперь она уже не подается как программа создания непроницаемого противоракетного зонтика для всей территории США. Сейчас речь идет только о защите военных объектов. А это делает данную программу более наступательной, а не оборонительной. Не то, чтобы мы думали, что она когда-нибудь была оборонительной, но сейчас ее наступательный характер особенно ясен.

Горбачев. Да, замысел в том, чтобы иметь возможность нанести первый удар без ответа.

После Рейкьявика много наговорили, много напутали о нем. И это тоже совсем не случайно. Вы совершенно правильно сказали, что **Рейкьявик показал возможность договоренности. Именно поэтому правые сейчас бросились в атаку на Рейкьявик. Это происходит и в США, и в Западной Европе.**

Ганди. Да, и, кажется, госпоже Тэтчер в ходе визита в США удалось добиться изменения всех позиций.

Горбачев. И обещания американцев, что теперь в ходе всего этого процесса все будет согласовываться с Западной Европой. А Коль даже сравнил Рейкьявик с Мюнхеном, сказал, что судьбы Европы решались там без участия европейцев.

Мы видим буквально сейчас консервативную волну, рассуждения о том, что ядерное оружие – это хорошо, что без него невозможна безопасность. В этих рассуждениях все ставится с ног на голову.

В этих условиях мы особенно высоко ценим позицию Индии, а также позицию «Делийской шестерки» по вопросу, относящемуся к ядерному оружию. Инициативы «шестерки» имеют огромное значение, они оказали сильное воздействие на мировое общественное мнение. Да и нам они помогают в выработке и уточнении наших позиций.

Что касается нынешней американской администрации, то мы пришли к выводу, что у нас с ней ничего не выйдет.

Ганди. Да, с ней ни о чем не договоришься. В отношении США единственное возможная сейчас линия – это работа с общественностью, обращение непосредственно к американскому народу. В правительственный кругах сейчас нет единства. Каждый действует сам – Белый дом, госдепартамент, Пентагон, ЦРУ...

Горбачев. Да и Конгресс.

Ганди. При такой разноголосице очень трудно вести с Америкой дела по серьезным вопросам.

Горбачев. Я Вам сказал откровенно и доверительно, что, видимо, с американцами, как у нас говорят, каши не сваришь. **В то же время хочу определенно сказать, что мы будем продолжать усилия воздействовать на Президента, Белый дом, Конгресс, американских государственных деятелей, общественность. Эту работу мы свертывать не будем. Мы будем упорно продолжать нашу линию, будем создавать и задел на будущее.**

Ганди. Но сейчас в Америке, если воспользоваться аналогичным сравнением, – слишком много поваров, которые портят бульон.

Горбачев. Да, а шеф-повара нет.

Мы переживаем сейчас трудный период борьбы за движение мира к ядерному разоружению. Надо сделать все, чтобы не допустить отхода от Рейкьявика, не дать победить тем мощным силам, которые сейчас пытаются взорвать все позитивное содержание Рейкьявика. И мы надеемся, что позиция индийского правительства и впредь будет активной, что вы будете, как и прежде, вести активную борьбу по вопросам космоса, СОИ. Времени нам терять нельзя.

Ганди. Да, мы будем активны. Но у нас есть некоторые проблемы с другими членами «Делийской шестерки»². Через некоторое время после

² «Делийская шестерка» образована в 1984 г. В неё входили лидеры Аргентины, Греции, Индии, Мексики, Танзании и Швеции; целью «Делийской шестерки» было объявлено достижение разоружения в мире и отказ от ядерного оружия.

Рейкьявика мы хотели выступить с довольно решительным заявлением по соответствующим вопросам. Однако мы обнаружили, что два-три члена нашей «шестерки» прореагировали довольно прохладно.

Горбачев. Я бы очень просил Вас и всех членов «шестерки» проанализировать ситуацию очень внимательно. Вы обладаете мощным голосом. И сейчас нельзя не видеть, глядя на ситуацию в мире, что **правые стремятся взять реванш за Рейкьявик, за те поражения, которые они понесли в борьбе за общественное мнение. Сейчас они стремятся возродить холодную войну, прибегают к разнужданной антисоветской риторике.** Рейган снова призвал к крестовому походу. В эту кампанию включились и Уайнбергер³, и Шульц, несколько провокационных заявлений сделал Коль. Правые силы проводят перегруппировку. И сегодня они готовы пойти на все, вплоть до большой международной провокации, с тем чтобы отвлечь внимание людей, оставить Рейкьявик в прошлом. Это надо понимать, момент сейчас острый.

Ганди. На что конкретно они могли бы сейчас пойти?

Горбачев. Прежде всего, они хотели разозлить нас, вывести нас из себя. Они хотели, чтобы наша реакция была столь острой, что изменилась бы наша основная линия. И если это не сработало, то, по имеющимся у нас сведениям, они готовы пойти и на крупные шаги по дестабилизации ситуации, в частности вокруг Никарагуа и Сирии. У них такие планы есть.

Это вызывает у нас тревогу. Мы следим за обстановкой очень внимательно. У реакционных сил есть определенные возможности действий в Африке. Они давят на Анголу, Мозамбик. Оттуда уже некоторое время поступают сигналы, вызывающие беспокойство.

В этих условиях нам предстоит принять решение о том, возобновлять ли наш мораторий на ядерные испытания. Могу Вам сказать, что решение мы еще не приняли. Возможен такой вариант: мы скажем, что не прекратим действие моратория до тех пор, пока американцы не

³ Министр обороны США в 1981-1987 годах.

проведут первый после начала нового года ядерный взрыв. То есть можно вновь направить этот вопрос против них. Но скажу Вам откровенно: для нас уже становится довольно трудным продолжать наш мораторий, не получая ответа на этот шаг.

Резюмируя, однако, можно сказать: это у них в рядах царит паника, растерянность, замешательство.

Ганди. И это может быть по-своему опасно.

Горбачев. Да, в этих условиях нужна выдержка. И мы будем проявлять выдержку, будем продолжать нашу мирную линию. Но это не исключает в отдельных случаях твердый отпор с нашей стороны.

Мы исходим из того, что надо продолжать диалог, причем со всеми. Хотя ситуация такая, что это нелегко. Например, с ФРГ. Коль позволил себе выступить с рядом выпадов в адрес Советского Союза, в частности в журнале «Ньюсук»⁴. Он даже сравнил меня с Геббельсом. Мы в ответ через нашего посла сделали очень решительный демарш и потребовали от Коля, чтобы он выступил с объяснением перед всем миром. Он попытался оправдаться в одном из последующих выступлений, что не имел в виду ничего подобного, что он, дескать, рассуждал о ценности пропаганды.

Ганди. Но само сравнение с Геббельсом говорит о многом.

Горбачев. Вот именно. Но, я Вам скажу, Колю за это выступление наломали бока. Причем слов и выражений не жалели. Много было сарказма в его адрес, обвинений в несоответствии должности, недоразвитости и т.п. В общем, побили его крепко, он получил от представителей самых различных печатных органов, политических партий, от всех, кроме крайне правых.

Ганди. Кстати, Коль активно выступил в поддержку Вальдхайма⁵.

⁴ Имеется в виду интервью Г. Коля журналу «Ньюсук» 27 октября 1986 г.

⁵ Курт Йозеф Вальдхайм (1918-2007) - австрийский дипломат, политический и государственный деятель; 4-й Генеральный секретарь ООН (1972-1981), президент Австрии (1986-1992). Во время избирательной кампании на пост президента 1986 г. были обнаружены скрываемые им факты его членства в штурмовых отрядах, службы офицером вермахта во время Второй мировой войны и вероятное его соучастие в военных преступлениях против населения Югославии, что вызвало скандал и его последующую международную изоляцию.

Горбачев. Итак, несмотря на всю сложность ситуации, мы будем продолжать свою линию, противодействовать попыткам реакции навязать миру свой курс. Если не изменить ситуацию к лучшему, то, в конце концов, все может взорваться.

Ганди. Положение даже тревожнее, чем может показаться. Ведь не хотят слушать даже собственный народ, даже более разумные круги в правящем классе. В то же время на Западе разные страны занимают разные позиции. С одной стороны – США, Великобритания, Западная Германия. С другой стороны – несколько более умеренные позиции других стран.

Интересный факт: через два дня после нападения американских самолетов на Ливию и бомбардировки дома полковника Каддафи⁶, у нас в Индии проездом в Японию был канцлер Коль. Он передал мне, что Президент Рейган очень расстроен заявлением, с которым мы выступили после этих событий. Он говорил сам и от имени Рейгана, что прежде Индия занимала более правильную, справедливую позицию по вопросу о терроризме. Я сказал, что дело не в терроризме. Даже если бы у США были доказательства, о которых они говорили, ничто не дает права брать закон в свои руки. Ведь международное право создавалось на протяжении веков, и никто не может нарушать эти международные законы. Интересно, что, услышав сказанное, Коль не возражал. В конце концов, он сказал: «Я с этим согласен». – «Тогда почему же, – спросил я, – Вы не скажете об этом американцам?». Он сказал: «Если мы хотим в чем-то убедить американцев, то говорить им об этом не нужно». Но тогда возникает вопрос: как их убедишь, если не говорить им ничего?

Горбачев. Да, ситуация сейчас сложная, но и интересная. Ее надо тщательно обдумать. Ведь мы действительно видим, что, с одной стороны, налицо желание оздоровить обстановку – в политической, экономической,

⁶ Каддафи, Муаммар. Вождь Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии с 1977 по 2011 год.

военной, гуманитарной сферах. А с другой стороны – группу стран, которые боятся серьезных перемен в международных отношениях.

Ганди. Я бы даже сказал, что Ваше описание звучит недостаточно остро. Дело обстоит гораздо хуже. На мой взгляд, США – это очень незрелая цивилизация, у которой не было достаточно времени для развития. И еще не созрев, эта страна приобрела огромную силу. Ее поведение напоминает поведение испорченного подростка.

Горбачев. Интересное наблюдение. Оно перекликается с мыслью из одной моей речи. Я сказал в ней, что нравственный капитал наших двух народов дает нам право говорить по вопросам войны и мира.

В то же время мы видим, что экономические достижения и доходы целой группы стран, их огромная экономическая мощь проистекают в значительной степени из-за несправедливого международного экономического устройства, заниженных цен на сырье, использование дешевой рабочей силы.

Ганди. Да, эти страны сейчас являются главными получателями помощи от развивающихся стран.

Еще в октябре 1985 года, беседуя в Нью-Йорке с госсекретарем Шульцем, я говорил ему о моих опасениях. США, сказал я ему, сами доводят себя до положения, когда им, может быть, придется замкнуться в себе, оказаться в плена изоляционизма. И в этом я тоже вижу большую опасность.

Горбачев. Мне кажется, что США все больше оказываются в политической изоляции. И это несмотря на то, что в экономическом плане они буквально пронизывают всю мировую экономическую систему.

И вот что интересно: мы сейчас внесли некоторые предложения по налаживанию отношений в ЕЭС (*Европейское экономическое сообщество*); рассматривается вопрос о нашем вступлении в ГАТТ⁷, возможно, в некоторые другие экономические организации. Когда об этом узнали США, то они выступили против во всех случаях. Они боятся, что влияние СССР будет

⁷ Генеральное соглашение по тарифам и торговле.

мешать им проводить в этих организациях свою грабительскую политику. А в качестве аргумента они утверждают, что Советский Союз нельзя пускать, так как у него плановая экономика. Но ведь в этих организациях имеются социалистические страны.

Ганди. Да и вообще как плановая экономика может повлиять на решение вопроса о членстве в таких организациях!

Горбачев. Сейчас в мире ширится понимание того, что национальный доход развитых капиталистических стран во многом является результатом крайне невыгодных для развивающегося мира условий обмена с развивающимся миром. Отсюда – проблема задолженности ряда стран Латинской Америки и других регионов. Так что, если посмотреть на разоружение с этой точки зрения, ясно, что социалистическим, развивающимся странам оно было бы большим благом. А вот **капиталистическим странам, наверное, трудно было бы без военной машины. Поэтому процесс переговоров по разоружению будет, судя по всему, медленным. Капитализм нуждается в аргументе силы.**

Ганди. Когда здесь был с визитом министр обороны США Уайнбергер, я откровенно ему сказал, что США, видимо, не в состоянии пойти на разоружение. Военная машина США столь мощна, она набрала такие обороты, столь тесно взаимосвязана с политикой, что ее трудно остановить. Он, конечно, все отрицал. Но буквально через два дня, в Рейкьявике, все стало ясно.

Горбачев. Да, все очень сложно. Поэтому столь велика необходимость объединить усилия всех конструктивных сил в мире, всех, кто в состоянии противостоять силам другой направленности. В этих условиях будет расти и значение Движения неприсоединившихся стран.

Ганди. Мы в Индии стремимся сейчас, хотя и не всегда успешно, проводить определенную внешнеэкономическую политику. То есть в тех случаях, когда с какой-то развитой страной у нас отрицательный торговый баланс, мы предпочитаем, если есть такая возможность, закупить тот или иной

товар в другой стране, даже если обходится это нам дороже. Я хочу сказать, что у нас есть уже определенные экономические рычаги. Если взять опять проблему ЮАР. Импорт Англии из этой страны составляет, кажется, 800 миллионов долларов, то ли фунтов – не помню точно. Из Индии Великобритания ввозит товаров на 450 миллионов фунтов. А если взять все Содружество, то цифра гораздо больше. То есть в экономическом плане наши страны для Англии гораздо важнее, чем ЮАР. Но, к сожалению, в Англии очень сильны расистские тенденции. А когда говорит расизм, то даже экономика не в счет.

Горбачев. Я думаю, что **нам надо поставить на регулярную основу обсуждение вопросов, касающихся отношения развитых и развивающихся стран, мирового экономического положения в целом.** Сейчас все мы приближаемся к тому моменту, когда придется решать накопившиеся проблемы. Причем все развитые капиталистические страны, как мне кажется, ищут решения краткосрочного характера и делают это с позиций своих собственных узких интересов, а не в интересах нового экономического порядка.

Ганди. Наша страна выступила весьма решительно на недавней конференции в Пунта-дель-Эсте (Уругвай). Вместе с Бразилией мы противостояли США, и, в конце концов, американцы пошли на уступки. Удалось принять хорошие решения. Но следующий раунд переговоров будет, как мне кажется, очень трудным.

Когда говоришь об экономических вопросах с конкретными людьми, то, кажется, их нетрудно убедить. Они соглашаются. Есть согласие в Движении неприсоединения. С нами согласны члены СААРК⁸, согласны все группы, в которых мы участвуем, – «Группа 77»⁹ и прочие подобные группы. Но как

⁸ СААРК - Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества (англ. South Asian Association for Regional Cooperation), экономико-политическая организация восьми стран Южной Азии (Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивы, Непал, Пакистан, Шри-Ланка).

⁹ «Группа 77» (G-77) или «Группа семидесяти семи» – крупнейшая межгосударственная организация развивающихся стран, действующая в рамках ООН и ее органов.

только начинаются переговоры с развитыми странами, все разбегаются в стороны. Одних запугивают, других скрупают на корню. У них хватает наглости предлагать нам, – другого слова не подберу, – взятки. В беседе с нашим министром финансов японцы предложили Индии сумму в 700 миллионов долларов, если мы поддержим позицию Японии. Министр, конечно, был возмущен.

Горбачев. Какая наглость! Вот, действительно, их мораль, их представления.

Ганди. Они убеждены, что деньги могут купить все. Это просто отвратительно.

Горбачев. Таков их образ жизни, **вот то, что они хотят внушить и другим народам: идея, что деньги могут все.**

Ганди. И влияние этой идеи создает для нас немало проблем.

Горбачев. Да и у нас тоже. Некоторые втянулись в такой образ жизни. Например, некоторые высокопоставленные деятели внешней торговли.

Ганди. Думаю, что в нашей беседе уже было два аспекта, которые мы могли бы передать для дальнейшей, более глубокой разработки нашим делегациям. Это вопросы разоружения и экономические аспекты, которые мы обсуждали. Чтобы продолжить этот разговор, можно было бы создать своего рода рабочую группу для более углубленного обсуждения.

Горбачев. Да, это можно сделать.

Но я хотел бы поднять еще один вопрос, который серьезно стоял и на наших предыдущих встречах. Это вопрос о стратегической ситуации, привлекающей внимание как Индии, так и нас. Мы не можем не обращать постоянного внимания на этот важный регион, который примыкает к нам. Я могу сказать, что позиции СССР и Индии не устраивают многих. Не только американцев, но и Китай, а также Пакистан.

Продолжая разговор, начатый нами в Москве, я хочу сказать, что здесь есть три силы, с которыми приходится считаться. В глобальном плане – это США. В региональном – Китай и Пакистан.

США не устраивает постоянно развивающееся сотрудничество между СССР и Индией и вообще не устраивает независимая внешняя политика вашей страны. Она является препятствием для американских планов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В то же время Индия – это такой существенный фактор, который нельзя проигнорировать и отбросить. И поскольку США, а также Великобританию не устраивает проводимая Индией политика, не устраивает дружба Индии с СССР, они вынашивают замыслы и осуществляют конкретные действия, направленные на то, чтобы ослабить наши отношения, более того – ослабить Индию, прибегая к методам экономической дестабилизации, подогревая межнациональные проблемы, используя другие подобные методы.

Анализируя ситуацию, мы приходим к выводу, что эти страны в открытую против вас не пойдут. Вместо этого они будут продолжать подбрасывать аргументы, с тем чтобы ослабить традиционные дружественные отношения наших стран.

В Индийском океане, как мы видим, США хотят продемонстрировать, что они, благодаря своим экономическим, политическим, военным возможностям, в состоянии помочь Индии, если Индия изменит свою политику. Вот такая меркантильная и даже более того – наглая линия. Кстати, Президент Рейган аналогичным образом давал понять, что США готовы сотрудничать и с Советским Союзом, что могут быть достигнуты очень существенные договоренности, начата новая эра в наших отношениях, если Советский Союз изменит свой строй.

Еще относительно Индийского океана. У меня есть сведения, что в то время, как в Индийском океане находятся постоянно 25 кораблей ВМС и 90 самолетов, из них 40 – носителей ядерного оружия, в настоящее время рассматривается вопрос о создании пятого оперативного флота США в составе не менее 50 кораблей.

Итак, мы видим, что США хотят серьезно обосноваться в этом регионе. Там сейчас в ходу такое мнение, что XXI век будет веком Азии и Тихого

океана. США болезненно реагировали на идею о том, чтобы сами азиатские страны определили будущие отношения между собой. И сейчас **США противопоставляют линии, которую проводят такие страны, как СССР и Индия, – линии сотрудничества, свою концепцию, основанную на идеях создания военных союзов или постепенного превращения экономических союзов в военные. В этом плане можно ожидать острой борьбы.**

Главным клиентом США является, разумеется, Пакистан.

Хочу сказать несколько слов о Китае, чтобы у нас здесь было полное понимание.

Ганди. Сначала хочу кратко отреагировать на сказанное Вами о Пакистане. В преддверии Вашего визита, в Пакистан приезжало много визитеров – на сравнительно невысоком уровне из Китая, на довольно высоком – из Вашингтона. Они всячески заявляли о своей поддержке Пакистана. А 21-го числа мне прислал письмо Президент Рейган. Его содержание сводится к мысли, что присутствие СССР в Афганистане не в интересах Индии, а до тех пор, пока оно продолжается, США будут продолжать поставки оружия Пакистану. Он намекнул, что эти поставки будут включать АВАКС (*Авиационная система предупреждения и контроля*). Не скажу, что это слишком нас беспокоит, но замысел проясняет.

Горбачев. В общем, Пакистан – это общая забота СССР и Индии, так как США пытаются превратить [его] в плацдарм против обеих наших стран.

Ганди. Да, и это единственная у них возможность закрепиться в Азии. Куда ни посмотри – от Турции до Таиланда – других возможностей нет. А Ближний Восток очень нестабилен.

Горбачев. Они будут поощрять и территориальные претензии к Индии. В частности, имеется в виду Кашмир. Я не скажу, что это какой-то особо неотложный, жгучий вопрос, но иметь его в виду надо. Пакистан пытаются сделать силой, способной противостоять Индии в регионе. Таков замысел.

Кстати, в отношении СССР и Индии в последнее время подбрасывается и такая идея: дескать, это два больших государства, в которых очень трудно

поддерживать единство. Поэтому, говорят они, не исключено, что эти государства распадутся, и от них отпочкуются отдельные государственные образования.

Ганди. И еще одна пропагандистская линия, с которой я столкнулся сравнительно недавно: сначала на пресс-конференции в Австралии, в середине октября, а затем несколько дней назад. Меня спросили: верно ли, что индийские летчики летают в Афганистане? Все эти разговоры – часть единой операции.

Горбачев. Американцы явно хотели бы подольше задержаться в Пакистане, а возможно – присутствовать в Афганистане. Эти проблемы надо иметь в виду, от них не уйдешь.

Мы задавались вопросом о том, насколько стабилен режим Зия-уль-Хака¹⁰. Наш анализ показывает, что он имеет довольно прочную поддержку пакистанцев. Это 70% населения. Он сам пакистанец. Видимо, пока он имеет такую поддержку, он сможет так или иначе справляться с возникающими внутренними проблемами. Все-таки у пакистанцев очень прочные позиции в армии, правительстве.

Ганди. Насколько, на Ваш взгляд, в полной мере поддерживают его американцы?

Горбачев. У них нет иного выбора. Можно сказать, что в любом случае, кто бы ни оказался у власти, американцы сделают все, чтобы остаться в Пакистане.

Ганди. Верно, но в последнее время они очень сильно поднимают на щит Джунеджо¹¹. Он, конечно, не подходит на роль лидера всего Пакистана, ведь он представляет Синдх, и лишь один его слой. И тем не менее американцы явно поднимают его.

Горбачев. Зия-уль-Хаку удалось расколоть синдхское движение, объединить пуштунскую и пакистанскую знать в одну элиту. А движение

¹⁰ Зия-уль-Хак, Мухаммед – Президент Пакистана в 1978-1988 гг.

¹¹ Джунеджо, Мухаммад Хан – Премьер-министр Пакистана в 1985-1988 гг.

Бхутто¹² является еще неокрепшим, во многих регионах страны не имеет позиции. Так что представляется, что если бы лидером был и не Зия, то положение было бы примерно таким же.

Ганди. Я лично не считаю, что Беназир Бхутто обладает данными национального лидера. Это слишком узкая личность, она не способна повести за собой народ.

Горбачев. Давайте посмотрим, на что может рассчитывать Зия-уль-Хак в качестве программы максимум и программы минимум в отношении Индии. А его планы – это и планы США. И поскольку американцев не устраивает набирающая силы, модернизирующаяся, все более авторитетная и мощная Индия, то программа минимум – это вмешательство в дела Индии, попытки создания внутренних проблем для вашей страны. В то же самое время в самом Пакистане внутреннее положение, как Вы знаете, далеко не безоблачное, и все же позиции Зия-уль-Хака довольно прочны.

В этом контексте посмотрим на Афганистан. Если дело политического урегулирования там будет продвигаться быстрее, будет происходить консолидация, и мы сможем вывести советские войска, то американское присутствие – широкомасштабная военная помощь Пакистану – выглядела бы еще более неоправданной.

Ганди. Но надо иметь в виду и цену. Нельзя допустить, чтобы в Афганистане оказалось проамериканское правительство. Это неприемлемо ни для вас, ни для нас.

И в общем комплексе надо иметь в виду и пакистанскую ядерную программу. И иметь в виду фактор времени в этой ситуации.

¹² Беназир Бхутто (1953-2007) – пакистанский общественный и политический деятель, Премьер-министр Исламской Республики Пакистан в 1988-1990 и 1993-1996 гг., первая в новейшей истории женщина – глава правительства в стране с преимущественно мусульманским населением.

В 1979-1984 годах Бхутто не раз оказывалась под домашним арестом, пока наконец ей не было разрешено выехать в Великобританию. В 1986-1993 гг. – сопредседатель, с 5 декабря 1993 г. - председатель Пакистанской народной партии (ПНП), основанной её отцом, Зульфикаром Али Бхутто.

Горбачев. Да, это очень существенно. Я рад был услышать и рад, что Вы сказали первым: недопустимо, чтобы в Афганистане оказалось проамериканское правительство. Я приветствую Ваши слова. Мы за Афганистан нейтральный, неприсоединившийся. Там сейчас активно идет процесс национального примирения. Конечно, от родоплеменного строя до прогрессивного общества им предстоит пройти еще огромный путь. И пусть они идут своим путем. Но ведь у нас были хорошие отношения с Афганистаном и при королях, и при других режимах. Сейчас мы согласны с тем, чтобы Афганистан шел своим путем. Но нельзя, чтобы он стал плацдармом для США или сферой влияния Пакистана. Это и афганцы не примут.

Ганди. Кроме опасности создания плацдарма для США есть и другая, не меньшая, а то и еще большая опасность – это приход там к власти правительства исламских фундаменталистов.

Горбачев. Мы эту опасность тоже имеем в виду.

Мы хотим, чтобы Афганистан был дружественным для Советского Союза, для Индии. Новый афганский руководитель Наджиб активно движет вперед процесс национального примирения. Процесс этот идет. Наджиб очень ценит вашу позицию.

Ганди. Мы очень хорошо беседовали с афганскими представителями в Хараре.

Горбачев. Что касается ядерного аспекта, то после нашего с Вами обсуждения в Москве я попросил наших разведчиков более точно выяснить положение. Мне сообщили, что, по сведениям, у Пакистана действительно имеется один образец ядерной бомбы. Что касается данных о проведении испытаний пакистанской ядерной бомбы в Китае, то этот факт не установлен. Тем не менее налицо возможность создания Пакистаном ядерного оружия.

И несколько слов о Китае. Наша линия в отношении этой страны – создать нашими внешнеполитическими действиями такую ситуацию, при которой Китай не мог бы дрейфовать в сторону Запада. Кстати, в Китае в

обществе есть настроения в пользу сближения с социалистическими странами. Сейчас, когда у китайцев возникли трудности в процессе модернизации, когда они видят, что Запад руководствуется исключительно интересами прибыли, они стали более осторожны.

Ганди. И заметна осторожность и в отношении Запада к Китаю.

Горбачев. Совершенно верно.

Ганди. Медовый месяц позади.

Горбачев. Верно. В Китае многие сейчас переосмысливают ситуацию. Многим не нравится расцвет частнособственнических тенденций, огромная поляризация доходов. Китайцы попросили нас оказать помощь в модернизации ряда базовых отраслей промышленности. В то же время они хотят, чтобы при этом у Запада не появлялось подозрение о том, что Китай склоняется в сторону Советского Союза. Создается также впечатление, что Китай несколько меняет ориентацию – от США и Японии упор перемещается больше на Западную Европу.

Но главное – это чтобы у нас с вами не было какого-либо недопонимания относительно наших намерений в отношении Китая.

Ганди. Думаю, такого недопонимания быть не может.

Горбачев. Мы Китай знаем хорошо... Нам ясно: чем активнее и разнообразнее наши связи с Китаем, тем больше у нас возможностей влиять на китайцев. Ведь в китайском руководстве есть разные группы, в том числе и в плане отношения к социализму, соцстранам.

Мы с вами обсудили очень важные вопросы. Теперь по этим важным вопросам между нами имеется ясность. А это очень важно не только для наших отношений, но и с глобальной точки зрения. Я знаю, что уже сегодня вечером журналисты будут пытать нас с вами: что это мы обсуждали 3,5 часа?

Ганди. Мне кажется, есть смысл свести вместе наших сотрудников, занимающихся прессой. Ведь на пресс-конференции будет много вопросов западных журналистов, которые будут стремиться ставить неприятные вопросы. Надо подумать, как перевести их в выгодное для нас русло.

Горбачев. Думаю, для этого надо прежде всего на пресс-конференции Вам и мне выступить со своими оценками проведенной нами работы. Дать ей определенные рамки.

Ганди. Думаю, по некоторым проблемам можно ожидать некоторых стандартных западных вопросов. Поэтому я предложил, чтобы наши люди вместе подумали, как лучше всего отвечать на такие вопросы. Я, конечно, не сомневаюсь, что сможем на них ответить.

Горбачев. Ну, а насчет сегодняшней беседы мы можем сказать, что она касалась **крупных вопросов войны и мира, а также двусторонних отношений, их укрепления.**

Ганди. Я бы еще отметил обстоятельное обсуждение Рейкьявика и проблем разоружения.

Горбачев. И мы сможем отметить, что **мы изложили позиции – самостоятельные позиции каждой из сторон, которые в то же время идут в одном направлении.**

Ганди. Согласен.

АГФ. Фонд № 1. Опись № 1.